

Для онмёдзи тайных искусств много не бывает. Масакура Хао внимательно изучал древний свиток, автор которого на все лады превозносил полузабытый ритуал «Девяти Проклятий». Однако само описание таинства грешило скупостью: упоминалось лишь, что в случае успеха человек обретал абсолютную неуязвимость как для булавы и клинка, так и для любого враждебного колдовства.

Хао нахмурился. Будучи преемником величайшего мастера онмёдо, он не раз слышал о запретном ведовстве, способном творить немыслимое. Но столь кричащие обещания... Бывают ли они правдой? И если да, то какую цену приходится платить за подобное могущество?

Он отложил свиток и с сомнением подошел к книжному шкафу, принявшись быстро перебирать рукописи. На полках царил полнейший хаос, а потрепанные обложки никак не выдавали содержимого.

Перед тем как отправиться в путь, Хао досконально разузнал об этом месте. Храм Шелкопряда, Кайко-но-ясино, вовсе не был заброшенным деревенским святилищем или прибежищем нечестивых культов. Напротив, когда-то он гремел на всю округу, пускай его золотой век и остался в далеком прошлом — около полувека назад.

Кайко-но-ясино испокон веков славился как обитель божества-шелкопряда, и местный шелк ценился на вес золота. Согласно хроникам, здесь несли службу полтора десятка жрецов и бесчисленное множество храмовых дев-мико. Но пятьдесят лет назад беда постучала в ворота: вспыхнул загадочный пожар, дотла уничтоживший главные склады со всеми накопленными сокровищами. Пытаясь спасти священное имущество, в огне погиб и тогдашний настоятель.

После этой трагедии Кайко-но-ясино быстро пришел в упадок. Дошло до того, что сегодня здесь не осталось ни одного мало-мальски обученного жреца.

Среди пыльных фолиантов не нашлось почти ничего стоящего — сплошные наставления по уходу за гусеницами, руководства по ткачеству, путевые заметки праздных зевак да куча дневников, которые Хао без колебаний счел бы мусором, если бы не одна деталь.

Вскоре ему пришлось взять свои слова назад. В одной из тетрадей прежний хозяин, исписывая страницы жалобами на несправедливость судьбы и нищету, упомянул, что откопал в тайниках хранилища подробное описание ритуала Девяти Проклятий. Пока он колебался, не зная, стоит ли прибегать к столь опасному колдовству, у подножия горы судьба свела его со странствующим чародеем.

Незнакомец, случайно услышав бормотание настоятеля, проявил к запретному знанию живейший интерес и предложил объединить усилия, чтобы воплотить древнее таинство в жизнь.

Звали этого онмёдзи Докэй. И, если верить записям, он приходился учеником самому Асии Доману.

При виде этого имени Хао недовольно сощурился. Если автор дневника не лгал, то сейчас в усадьбе... Он на секунду замер, но тут же с самым невозмутимым видом перевернул страницу. Дальнейшие записи подробно описывали, как жрец и чернокнижник принялись за свои жуткие изыскания. Однако на самом интересном месте дневник обрывался.

Обыскав бывшие жилые покои настоятеля, Хао обнаружил продолжение записей, а также два свитка об истории храма. Один из них гласил, что святилище возвели несколько столетий назад ради почитания священного Шелкопряда, а также для охраны вековых тутовых деревьев у подножия горы. По преданию, эти шелковицы привез из Срединной Империи легендарный алхимик Сюй Фу, и они таили в себе непостижимую силу.

Эта легенда Хао уже была знакома, так что он без интереса отложил свиток в сторону.

Зато второй документ заставил великого онмёдзи удивленно приподнять брови. Оказывается, почитаемый в храме Шелкопряд не имел ничего общего с обычными насекомыми. Эти твари появлялись на свет не из кладки, а вызревали прямо на ветвях чудо-дерева вместо плодов. Гусеницы, рожденные шелковицей, обладали поистине чудовищной силой — они могли возвращать мертвых к жизни! На полях даже сохранились детальные отчеты о подобных воскрешениях.

Хао вчитывался в неровные строки. Чуть ниже чьей-то торопливой рукой — возможно, самого Докэя или покойного жреца — было начертано примечание. Автор примечания резонно полагал, что сказки о воскрешении из мертвых — лишь приманка для глупцов. На деле же гусеницы просто пожирали труп, заставляя бездушную плоть двигаться под своей волей. И все же сам механизм этого кукловодства таил в себе неисчерпаемый потенциал.

Именно на этом принципе и строился ритуал Девяти Проклятий. Живую плоть следовало запереть в бамбуковом коробе-цудзуре, сплетенном из нитей священного Шелкопряда. Там тела жертв сплавлялись воедино, рождая на свет обновленное, куда более могущественное существо. Если повторить это слияние девять раз, можно выковать идеальную, неуязвимую плоть.

«Тот, кто завершит круг, станет истинным божеством, пред которым склонится весь мир».

Хао лишь презрительно усмехнулся, покачав головой. Оставляя в стороне сомнительную ценность самого ритуала, он не мог не поразиться глупости заговорщиков. Избавиться от сообщника, но при этом бросить столь важные бумаги в полуразрушенном храме — у этого Докэя явно не все дома.

— Господин Хао! — издалека донеслись встревоженные голоса Курэхи и Удзуки.

Он неторопливо свернул записи и легким взмахом руки велел послушным шикигами распахнуть тяжелые створки ворот, впуская девушек.

— Случилось страшное, господин Хао! — Курэха едва переводила дыхание, ее лицо побледнело от волнения. — Ученик моего отца, Докэй-сама... он...

— Да, это просто уму непостижимо! Если Докэй-сама действительно поддался скверне и сошел с праведного пути, то Дорё и остальные сейчас в смертельной опасности! — Удзуки в панике заламывала пальцы. — Как же так...

— Откуда у вас эти сведения? — Хао незаметно прищурился. Неужели этот идиот Докэй умудрился растерять свои улики по всему холму?

— В передней зале храма, за потайным алтарем, мы нашли скрытый лаз, — наперебой заговорили девушки. — Там лежал труп. Страшный, уродливый... Мы испугались, что начнется мор, и хотели предать его огню, но на стене рядом обнаружили жуткие надписи кровью. Несчастный перед смертью неистово проклинал Докэя-саму. А рядом мы нашли защитные амулеты с его личной подписью.

— Что ж, ваши опасения подтверждаются, — Хао продемонстрировал им найденный свиток. — Я тоже наткнулся на неопровержимые доказательства его причастности. Мешкать нельзя, нужно срочно возвращаться в усадьбу.

— Да! — согласно закивали девушки.

Они поспешно поднялись на борт парящей повозки. Едва быки оторвались от земли, как ночную тьму на горизонте прорезали багровые языки пламени.

Откинув шелковую занавесь, спутники увидели, как над поместьем Фудзивары Ёритики поднимается густой столб дыма. Огонь стремительно пожирал одно из крыльев огромного дома.

Хао задумчиво усмехнулся.

— Похоже, среди учеников Асии Домана все-таки завалялся один толковый малый. Поднажмем! Вперед!

Повинуясь воле хозяина, быки рванули вперед с удвоенной силой, и повозка стрелой понеслась к обътой пламенем усадьбе.

Тем временем в другом крыле усадьбы переведшие дух товарищи уже спешили на перехват. Дорё, обуреваемый ледяной яростью, безошибочно определил логово предателя и теперь вел свой небольшой отряд на штурм.

О скрытности никто больше не думал. Какая разница, если на шум сбегутся твари? Сметут и не заметят!

То ли большая часть чудовищ сгорела во время пожара в молельне, то ли Докэй бросил все силы на завершение обряда, но по пути им попадалась лишь мелкая нечисть, которую они уничтожали без малейшей заминки.

Пока они пробивались сквозь коридоры, Дорё то и дело косился на призванное Кэном существо по имени Хотаругуса.

Сам юный практик уверял, что эта девчушка с огромным стеблем одуванчика в руках — всего лишь безвредный дух травы, лишенный разума и воли. Дорё охотно в это верил. Он и сам заметил, что духовная сила Кэна несет в себе мягкое, исцеляющее начало, а его заклинания лучше всего ложатся на стихию воды. Да и то, как тяжело дышал юноша после каждого призыва, лишь подтверждало его неопытность.

Но то, что произошло дальше, заставило Дорё усомниться в собственной вменяемости.

Маленький дух травы, милая девочка-семицветик, с залиvistым смехом взмахнула гигантским пушистым одуванчиком и с размаху опустила его на голову выскочившему из темноты свирепому они. Настоящему, рогатому демону! Целительский дух пошел в ближний бой!

У Дорё едва глаза на лоб не полезли, когда от этого удара бронированный они пошатнулся и отлетел назад. Не успела тварь взреветь от ярости, как Хотаругуса, задорно подпрыгнув, принялась методично, удар за ударом, вколачивать свой пуховик в череп монстра. Секунда — и голова грозного демона разлетелась спелым арбузом!

Вдребезги!

В клочья!

Дотин и Сакуя застыли как вкопанные, едва не выронив боевые амулеты. Дорё беззвучно открывал и закрывал рот. И лишь Кэн обреченно прикрыл лицо ладонью, мысленно сокрушаясь:

"Видит бог, я не ставил ей души-митамы на чистый урон..."

<http://bllate.org/book/18244/1748189>